

А. Вербицкая

Вавочка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А. Вербицкая
А11 Вавочка / А. Вербицкая – М.: Книга по Требованию, 2015. – 339 с.

ISBN 978-5-517-96588-2

Анастасия Алексеевна Вербицкая (10 февраля 1861, Воронеж — 16 января 1928), русский прозаик.

Родилась в дворянской семье Зябловых. Училась в Московской консерватории по классу пения (1879—1881, не окончила), затем работала учительницей музыки, регентом хора в Елизаветинском институте, занималась журналистикой и писала рассказы.

ISBN 978-5-517-96588-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Андрей Васильевич Тихменевъ появился въ домѣ Ясневыхъ, когда Вавочкѣ было девять лѣтъ. Она живо помнитъ, какой онъ былъ хорошенькій студентъ, съ маленькой темной бородкой, такой тихонькій, ласковый, какъ онъ часто краснѣлъ, причемъ его пушистыя нѣжныя щеки напоминали дѣвушку. Мать Вавочки—Александра Львовна Яснева—давала уроки музыки сестрамъ Тихменева и въ его семьѣ ее очень любили. Потомъ фаришни, кончивъ гимназію, уѣхали съ матерью въ имѣнье на югъ, а Андрей Васильевичъ остался, сдѣлался докторомъ, краснѣть пересталъ, но ходилъ къ нимъ все чаще, потомъ каждый день, и былъ все такой же тихій и ласковый.

Теперь Вавочкѣ девятнадцать лѣтъ. Она очень хорошенькая, высокая, стройная и худенькая, какъ статуя Діаны въ Эрмитажѣ, съ огромными, наивными глазами и чуднымъ цвѣтомъ лица. Удивительно хороши и ея волосы, пепельные, вьющіеся, словно посыпанные золотой пылью. На солнцѣ эта маленькая головка какъ бы горитъ въ ореолѣ высоко взбившихся кудрей. Знаменитый парикмахеръ Москвы, причесывая какъ-то на балъ Вавочку, сказалъ ей: «Чтобы подобрать такую же искусственную косу, надо заплатить не одну сотню рублей. Ваши волосы рѣдкость».

Александрѣ Львовнѣ тридцать-девять лѣтъ, но никто не дастъ ей больше тридцати. Она ростомъ гораздо ниже дочери, стройна, съ пышнымъ бюстомъ, и тонкой

таліей. У нея типъ венеціанки: горячіе, черные глаза, съ тяжелыми вѣками, матовый цвѣтъ лица, напоминающій желтизну дорогой слоновой кости и густая, черная коса, съ тиціановскимъ краснымъ отблескомъ на солнцѣ. Когда онѣ идутъ рядомъ съ Вавочкой, всѣ принимаютъ ихъ за сестеръ. Многіе находятъ, что Александра Львовна и сейчасъ красивѣе дочери той зрѣлой, роскошной красотой, которая будить желанья.

Отца Вавочка совсѣмъ не помнитъ и знаетъ его только по портрету, который раньше висѣлъ въ спальнѣ у матери, а потомъ—давно уже—перенесенъ въ столовую. Вавочка очень похожа на него. Онъ былъ замѣчательно красивъ, бѣлокуръ, служилъ въ офицерахъ и рано умеръ отъ чахотки. Мать была замужемъ ровно пять лѣтъ и схоронила еще двухъ дѣтей, моложе Вавочки, погибшихъ отъ дѣтскаго туберкулеза. За этихъ двухъ оплаканныхъ и до сихъ поръ не вполне забытыхъ сердцемъ матери, Александра Львовна еще страстнѣе привязалась къ своему единственному ребенку, чудомъ уцѣлѣвшему отъ родового наследственнаго недуга. Но дѣвочка была хрупка, по словамъ докторовъ, и мать дрожала за ея жизнь.

Когда Вавочкѣ было десять лѣтъ, она чуть не умерла отъ дифтерита. Александра Львовна была близка къ безумію. Тихменевъ самоотверженно помогаль растерявшейся матери въ уходѣ за больной. Дѣвочку спасли, но изстрадавшаяся Александра Львовна съ тѣхъ поръ не знала покоя. Ей все казалось, что судьба унесетъ у нея и это послѣднее сокровище, и чувство къ дочери обратилось у нея въ какую-то болѣзненную страсть. Она ни въ чемъ не умѣла отказать ребенку.

Иногда Тихменевъ осторожно намекалъ:

— Вы ей портите характеръ такимъ безразсуднымъ баловствомъ... Изъ нея выйдетъ эгоистка...

Александра Львовна соглашалась. Но стоило большимъ глазамъ Вавочки, голубымъ какъ васильки, напол-

ниться слезами и съ укоромъ взглянуть на мать, какъ та была уже опять вся куплена и уступала безъ оглядки.

— Я малодушна, безхарактерна, глупа, что хотите,— говорила она Тихменеву, волнуясь.—Но не могу я видѣть этихъ слезъ... Вы вспомните только ночи, когда она умирала... И почему я знаю?.. Можетъ быть, нынче, завтра—ея уже не будетъ у меня... Какой-нибудь крупъ, сотрясеніе мозга... Ахъ, нѣтъ!.. Когда у васъ будутъ свои дѣти, вы меня поймете... Когда я подумаю только, что она умретъ, а я наканунѣ отказала ей быть-можетъ, въ пустякѣ... и заставила плакать... Ахъ, не будемъ объ этомъ говорить!..

И Тихменевъ цѣловаль красивыя ручки своей ненаглядной Саши и умоляль ее успокоиться.

Въ этомъ беззавѣтномъ чувствѣ къ дочери Тихменевъ видѣль ключъ къ пониманію этой всегда сдержанной, суровой даже въ своихъ личныхъ привычкахъ, а въ сущности страстной души.

Впрочемъ онъ самъ сильно любилъ Вавочку и баловаль ее дорогими игрушками, конфектами, фруктами.

— Вы мнѣ ее въ конецъ испортите,—грустно и нѣжно говорила Яснева.

— Она такая прелесть!.. Ахъ, зачѣмъ она не моя!..— горячо восклицаль онъ, съ затаеннымъ чувствомъ ревности къ прошлому любимой женщины.

И Вавочка тоже любила сидѣть на колѣняхъ доктора, слушать сказки, жаться личикомъ къ его груди, чувствовать, какъ его борода щекочетъ ей вѣки.

По двѣнадцатому году Вавочка поступила въ гимназію. Подготовили ее сообща мать и Тихменевъ. Дѣвочка была тупа, училась плохо,—но вѣдь это такая скука—учиться!..

Александра Львовна огорчалась. И въ кого она такая? Ни самолюбія, ни любознательности... Лѣнь и равнодушіе ко всему...

— Она еще дитя,—заступался Тихменевъ,—она слишкомъ тянется и потому развивается медленно... По-терпите...

Вавочка, съ своей стороны, раздражалась требовательностью матери и чувствовала къ ней все большую холодность... Конечно, она—дитя, и ей хочется веселиться...

И чѣмъ дальше, тѣмъ шло хуже. Вавочка оставалась въ классахъ. И талантовъ у нея не было. Скоро пришлось бросить и музыку, которая для дочки и матери всегда кончалась слезами.

— Это удивительно!..—возмущалась Яснева наединѣ со своимъ другомъ.—Я въ четырнадцать лѣтъ не только нашихъ классиковъ знала, я Шатобриана, Гете, Шиллера и Гюго всего перечла. Пятнадцатилѣтней дѣвочкой—вѣрите-ли?—раздобыла «Что оплать»... и бредила идеями Чернышевскаго... А когда въ шестнадцать лѣтъ кончила курсъ, то уже ни копейки не стоила роднымъ. Да я не одна... Весь классъ у насъ былъ такой... А Вава?.. Дай Богъ, чтобъ она кончила курсъ къ двадцати!.. Но что у нея за душой, ничего не знаю... Я съ грустью вижу, что она мнѣ—совсѣмъ чужая...

Тихменевъ чувствовалъ, что она права. И для него внутренній міръ дѣвочки оставался загадкой. Если-бъ еще она была сорванцемъ и шалуньей!.. Если-бъ подмѣтить въ ней избытокъ силъ, насмѣшливый умъ!.. Но дѣвочка росла скрытной, молчаливой, инертной. Это былъ маленькій звѣрекъ, любившій ѣсть, спать и грѣться у огня.

Вавочка была неряшлива. На ней все «горѣло», а къ иголкѣ у нея замѣчалось какое-то органическое отвращеніе. Она готова была идти въ гимназію съ рванымъ локтемъ или сидѣть при Тихменевѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Щепетильная мать преслѣдовала ее за этотъ недостатокъ.

— Вавочка, опять у тебя ногти грязные?..—слышалось каждый день.

— Ахъ, мамочка, какъ это надоѣло!..

И Вавочка прятала подъ столъ красныя ручки въ чернильныхъ пятнахъ.

Однако зоркій глазъ матери подмѣтилъ въ дѣвочкѣ рано просыпающуюся, хотя еще безсознательную чувственность. Вавочка сама искала случая сѣсть на колѣни къ Тихменеву и Яснева готова была дать руку на отсѣченіе, что Тихменевъ съ удовольствіемъ цѣлуетъ свѣжія блѣдно-розовыя щечки дѣвочки.

Она высказалась грубо, почти враждебно. Онъ сконфузился.

— Какой вздоръ!.. Она еще—дитя...

— Не забудьте, что ей четырнадцать лѣтъ... Это опасный возрастъ... И ради Бога... не мучьте меня...

Онъ взялъ ея руку и тихо притянулъ къ себѣ.

— Сознайся, Саша, ты ревнуешь?

Она вспыхнула.

— Кого? Ее... или—(она разсмѣялась сухимъ, короткимъ смѣхомъ)—или тебя?

— Обоихъ,—пошутилъ онъ съ грустью...

— Да, да... Мнѣ больно видѣть ваши ласки... Ко мнѣ, замѣть, она никогда не ласкается... Она меня не любить...

Вавочка подслушала весь этотъ разговоръ, это «ты», и задумалась... Она припомнила болтовню подругъ... Такъ вотъ что!.. Какъ же она раньше не замѣчала? Теперь ей доставляло удовольствіе жаться къ Тихменеву, который конфузился и не зналъ, какого тона держаться съ дѣвочкой. А Вавочка, дѣлая невинные глаза, исподтишка слѣдила, какъ мѣняется при этомъ лицо Александры Львовны.

II.

Но шли годы и сила привычки дѣлала свое. Тихмевъ въ глазахъ Вавочки терялъ не только свою привлекательность, но даже полъ. Молодъ онъ или старъ, красивъ или нѣтъ, она никогда объ этомъ не думала. Она считала, что онъ, какъ мать и Анисья, и созданъ былъ только для того, чтобъ баловать ее и заботиться о ней. Изъ «дяди Андрюши» онъ, по требованію матери, давно сдѣлался «Андреемъ Васильичемъ», и хотя онъ продолжалъ говорить ей *ты*, но прежней интимности и въ поминѣ не было.

Вавочка къ двадцатому году кончала курсъ съ грѣхомъ пополамъ. Въ умственномъ отношеніи она осталась той же «дитей», которое ничѣмъ не интересовалось. Сочиненія, какъ и задачи, давались ей туго. Она ничего рѣшительно не читала, кромѣ того, что задавалъ учитель русскаго языка, напримѣръ *Записки Охотника*, *Антоня Горемыку*... Это былъ урокъ, неизбѣжная барщина, а не наслажденіе. По доброй волѣ Вавочка насилу одолѣла *Повѣсти Бѣлкина и Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*. Ей мать читала вслухъ, но черезъ полчаса вниманье Вавочки утомлялось. Она блѣднѣла, зѣвала, распускала губы, (по выраженью Ясневой)... Приходилось бросать. Дѣвочку тянуло изъ дома въ гости, на улицу. Въ то же время она не была исключеніемъ въ своемъ классѣ,—большинство училось такъ, черезъ пятое въ десятое. Гимназія эта считалась аристократической и ученицы были, по большей части, изъ буржуазныхъ семей: дочери докторовъ, адвокатовъ, дворянъ, богатыхъ жупцовъ, рѣдко учителей. Изъ духовенства тамъ учились немногія. Изъ мѣшанъ того меньше. И колоритъ этой среды лежалъ на всемъ, проникая во всѣ отношенія ученицъ между собой—и начальства къ дѣтямъ. Учителя приходили въ отчаяніе отъ равноду-

шія и вялости дѣвочекъ. Строгость не помогала, да и не была уже въ ходу. Начальство твердило съ утра до вечера: «Мягче, пожалуйста мягче... Бѣдныхъ дѣтей надо щадить»...

Александра Львовна съ изумленіемъ слѣдила за возрастающимъ уменьшеніемъ учебной программы. За какія-нибудь десять лѣтъ отъ нея не осталось и половины.

И все чаще раздавались негодующіе голоса противъ естественныхъ наукъ. На что онѣ, въ сущности, нужны дѣвицъ?.. Особливо ботаника... Оплодотвореніе, пестики, тычинки... Фи!.. Неизящно и даже неприлично для дѣвицъ. Ничего этого имъ не надо знать, онѣ должны быть женственны! То-ли дѣло рукодѣліе, вышиванье, рисунки по фарфору... А какіе цвѣты онѣ учатся дѣлать изъ шелку и бумаги! Многія достигаютъ виртуозности... Потомъ музыка, уроки пѣнья... Танцы... Ахъ, теперь такіе чудные танцы!.. Впереди драматическіе курсы... Вотъ что необходимо поощрять...

Онѣ росли такія нѣжныя. То голова болитъ, то зубы, то устали, накануне танцуя въ клубѣ, то засидѣлись въ гостяхъ и уроковъ готовить было некогда. Когда ихъ вызывали, онѣ отказывались отвѣчать, ссылаясь на нездоровье, просили времени на поправку. Имъ давали недѣлю, но тутъ, какъ нарочно, свадьба подруги, свои именины, рожденіе сестры, чей-нибудь бенефисъ... О, ужасъ!.. Раздраженный учитель ставитъ единицу. Онѣ ничего не хотятъ принять въ расчетъ...

Бѣдныя дѣти плачутъ... многія до истерики. Испуганныя классныя дамы бѣгутъ за валеріановыми каплями, расточаютъ утѣшенія... Ахъ, этотъ Семеновъ, до чего онъ желченъ! Онъ совсѣмъ не понимаетъ потребностей дѣтей...

Родители огорчены. Они ѣдутъ за объясненіями, вызываютъ инспектора, начальницу. «Такъ нельзя... Мы живемъ въ вѣкъ гуманности... Какія-нибудь шестнадцать лѣтъ... Развѣ можно требовать?..»

Начальство старается успокоить, поддержать...

Желчному учителю дѣлають выговоръ. О, конечно, въ деликатной формѣ... Онъ горячится, доказывая свою правоту. Десять лѣтъ назадъ такія выходки ученицъ были немыслимы. Нужна нравственная дисциплина. Онѣ не учатся, онѣ словно одолженіе дѣлають, отвѣчая уроки. Ихъ надо воспитать съ идеей о долгѣ, объ обязанности...

— Э, Петръ Ивановичъ, время иное...—слышится отвѣтъ, —всюду послабленіе, намъ отставать нельзя...

— О, да... Время иное,—иронизируютъ и негодуютъ учительницы, собираясь покурить въ перемину часовъ.— Прежде кончали въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ, теперь къ двадцати дай Богъ!.. А сочиненія?.. А отвѣты?.. Изъ-за каждой шестерки на экзаменѣ—исторія и объясненія съ начальствомъ. Ихъ надо шадить и переводить во что-бы то ни стало... если не хочешь неприятностей и открытой борьбы... Руки опускаются...

Жалуются и классныя дамы, конечно, втихомолку. Дѣвочки дерзки, своевольны и чѣмъ старше, тѣмъ хуже... О дисциплинѣ нѣтъ понятія. Учитель кричить, сердится, требуя вниманія. Ему въ отвѣтъ смѣются...

Ахъ, все-бы это еще ничего, еслибъ только онѣ были добрѣе... Но онѣ безпошадны. Бывало, какая связь возникла между классомъ и учителями, а еще болѣе классной дамой, послѣ семи лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ! Какія создавались прочныя привязанности въ стѣнахъ школы! Какія съ обѣихъ сторонъ сохранялись свѣтлыя воспоминанія! Дни послѣднихъ экзаменовъ, дни выпуска бывали полны волненія, горячаго горя, искреннихъ слезъ... Не разъ слезы стояли и въ глазахъ учителей, этихъ самыхъ желчныхъ и негуманныхъ людей, усталыхъ и раздраженныхъ. Теперь только слышишь: «Ахъ, противная гимназія!.. Ахъ, скорѣй-бы конецъ!..» Привязанностей нѣтъ ни къ кому. И горе тѣмъ, кто боленъ, некрасивъ, смѣшонъ!.. Ихъ вышутять безъ по-

щадь, заклеивая презрѣнью. Уваженіе имъ неизвѣстно. Строгихъ боятся и ругаютъ за глаза, надъ слабыми и добрыми смѣются въ лицо.

При каждой гимназіи существуетъ общество, платящее изъ своихъ взносовъ за бѣдныхъ ученицъ условленную за обученіе плату. Но средствъ мало, надо организовать концерты, спектакли, вечера, чтобъ выручить сумму мало-мальски приличную.

— Дѣти,—бывало, говоритъ начальница или классная дама, за нѣсколько дней до концерта,—среди васъ есть бѣдныя, которымъ нечѣмъ платить за себя. Ихъ исключать, если не будетъ денегъ. Помогите... Если каждая изъ васъ дастъ хоть по полтиннику, доброе дѣло будетъ сдѣлано...

Но эти слова не проникаютъ въ дѣтскія души. Барышни бросаютъ рубли на свои портреты, на лакомства, на всякія удовольствія, но внести полтинникъ для бѣдныхъ ученицъ,—нѣтъ.. Если дается балъ, онѣ идутъ танцовать, но спектакль, или концертъ въ пользу бѣдныхъ,—это скучно...

Теперь общество уже не рассчитываетъ на дѣтей.

Конечно, онѣ имѣютъ поддержку среди взрослыхъ. Онѣ безпрестанно слышатъ разсужденія вродѣ того, что и такъ слишкомъ много развелось этихъ образованныхъ. Если нѣтъ средствъ, учись ремеслу, не садись не въ свои сани...

Да, ихъ чувствительность щадятъ, ихъ устраняютъ отъ соприкосновенія съ оборотной медалью жизни. Дѣтямъ вредны тяжелыя впечатлѣнія, молодость надо встрѣчать съ свѣтлой душой, съ неомраченнымъ горизонтомъ. Прочь все, что можетъ заронить сомнѣнія, отравить душу тоской!.. Картины чужого горя, слезъ, нужды... Придетъ и ихъ часъ когда-нибудь, узнаютъ все... А дастъ Богъ, и не узнаютъ,—и до сѣдыхъ волюсь проживуть безмятежно, какъ дѣти...

Въ одной изъ гимназій инспекторъ, въ сущности очень добрый и порядочный человекъ, былъ настолько послѣдователенъ, что строго слѣдилъ даже за текстомъ пѣсенъ въ хоровомъ классѣ. Онъ вычеркнулъ изъ репертуара сказку *Контская*, гдѣ говорится о мужичкѣ-бѣднякѣ, котораго «потискиваетъ нужда» и о богатѣй-кашеѣ, который спитъ на сундукѣ, поминутно просыпаясь въ страхъ за свои деньги.

— Да вѣдь ее въ городскихъ школахъ поютъ... удивилась учительница.—Она въ сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ *Рожнова* числится...

— Что намъ до того, почтеннѣйшая Ольга Петровна? Намъ школы не указъ... Здѣсь дѣйствуютъ на нервы ребенка... Къ чему отравлять дѣтскія души картинами нужды и горя?.. А главное, это сопоставленіе богача съ бѣднякомъ... Зловредно такъ возбуждать противъ богатыхъ... Съ этихъ поръ разжалобивать дѣтей крестьянской долей... Это уже—извините меня—соціализмомъ пахнетъ...

Мудрено-ли, что «дѣтямъ» жизнь казалась вѣчнымъ праздникомъ, и что страсть къ зрѣлищамъ и удовольствіямъ росла въ нихъ съ годами?

Александра Львовна на своей Вавочкѣ слѣдила за этимъ новымъ вѣяніемъ и упорно боролась съ нимъ. Но передъ школой и вліяніемъ среды она оказывалась безсильной.

— Нечего тебѣ за ними тянуться,—твердила она дочери, когда та плакала, что у нея старое пальто, а у Зои Прокофьевой и Маріанны Долговой каждый годъ новое.—Тѣ—богачки, а я на твое воспитаніе каждый грошъ сама заработать должна... Выростешь ты, также будешь уроки давать, а не танцовать напролетъ цѣлыя ночи, какъ Зоя...

— Вотъ еще!.. огрызалась Вавочка.—Уроки давать!.. Я замужъ выйду...